

УДК 801.73

«ЛУЧШЕ ЛЮБОЙ БУНТ, ЧЕМ МЕРТВЯЩИЙ ПОКОЙ ОБЫВАТЕЛЬЩИНЫ»: К ВОПРОСУ О ЧЕХОВСКИХ ЖАНРОВЫХ ТРАДИЦИЯХ В ПРОЗЕ Ю.М. НАГИБИНА

Пахтусова Варвара Николаевна,

аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса,
МГУ им. М.В. Ломоносова

АННОТАЦИЯ. В ряде произведений Нагибина встречается тип героя, отсылающий к героям-интеллектуалам Чехова. Среди них в творчестве обоих писателей выделяются как герои-«обыватели», так и герои-«бунтари», испытывающие сложный комплекс человеческих переживаний и идущие различными путями духовных поисков. Это предопределяет множественные сходства на уровне жанрового содержания между рассказами и повестями Нагибина «Перекур», «Срочно требуются седые человеческие волосы», «Машинистка живёт на шестом этаже» и Чехова «Дама с собачкой», «Верочка», «Скучная история», «Человек в футляре», «Учитель словесности», «Огни». Произведения Чехова и Нагибина имеют разные конкретно-исторические основы, однако их герои сталкиваются с одними и теми же нравственно-философскими проблемами. Благодаря сопоставлению образов интеллектуалов Чехова и Нагибина выявляются множественные сходства в творческой манере писателей, а также актуализируются различия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Чехов, Нагибин, жанровые традиции, жанровое содержание, образы интеллектуалов, нравственно-философская проблематика.

“IT’S BETTER ANY REVOLT, THAN LIFELESS REPOSE OF PHILISTINISM”: REVISITING THE GENRE TRADITIONS OF A.CHEKHOV IN THE PROSE OF Y. NAGIBIN

Pakhtusova V.N.,

Postgraduate Student of the Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process,
Lomonosov Moscow State University

ABSTRACT. In several Nagibin’s works it is possible to meet such a type of literary character that refers to the intellectuals of Chekhov. Among them in the work of the authors can be distinguished both philistine and come-outer heroes, that have a complex maze of human feelings and choose different ways of spiritual search. All of that predetermines a big quantity of similarities on the level of genre content between Nagibin’s short stories and novellas “Smoke Break”, “Urgently needed Human Gray Hair”, “Typewriter lives on the Fifth Floor” and Chekhov’s “The Lady with the Dog”, “Verotchka”, “A Boring Story”, “The Man in a Case”, “The Teacher of Literature”, “Lights”. The works of Chekhov and Nagibin have different concrete-historical base but their heroes confront with the same moral-philosophical problems. The comparison of characters of Chekhov’s and Nagibin’s intellectuals helps reveal both differences and similarities between the works of the two authors.

KEY WORDS: Chekhov, Nagibin, genre traditions, genre content, characters of intellectuals, moral-philosophical problems.

Х удожественное творчество Ю.М. Нагибина органично связано с русской классической прозой 19 века. Уже сама домашняя атмосфера, в которой жил с юных лет писатель, способствовала укреплению этой связи. Неотъемлемой частью повседневной жизни Нагибина, по свидетельству его вдовы А.Г. Нагибиной, были постоянные беседы, а иногда и дискуссии о русской классической прозе с отчимом Я.С. Рыкачевым, что не могло не повлиять на процесс творческого становления писателя.

Одним из важнейших литературных ориентиров Нагибина становится творчество А.П. Чехова. Его личности и творчеству посвящено несколько публицистических работ писателя. Нагибин точно и ёмко

охарактеризовал одну из доминант чеховского мировоззрения, отразившегося в его произведениях: «...для него лучше любой бунт, чем мертвящий покой обывательщины, серая скука мещанского благополучия» [1, с.312]. Также Нагибин уловил суть подхода Чехова к изображению героя: «Чехов был очень социален, <...> каждый его герой прочно заложен в ячейку своей эпохи, <...> но есть в них и что-то надвременное, коренящееся не только в общественном, социальном, имущественном положении, но и в извечной тайне человека, делающей его неисчерпаемым» [1, с.313]. В этой «надвременности» и «неисчерпаемости» чеховских героев и кроется та притягательность чеховской жанровой модели с ее объемностью и в то же время лаконизмом жанрового содержания, которая обусловила интерес Нагибина к творчеству литературного предшественника.

© Пахтусова В.Н., 2017

Информация для связи с автором: liceistka@gmail.com

Чехов «переживал все настроения современного ему мыслящего общества, старался объяснить читателю его собственную жизнь, вскрыл тайники обывательской интеллигентской души» [2, с. 163], а «за видимой простотой и краткостью разворачиваются глубочайшие горизонты и перспективы сознания бытия» [3, с. 10] его героями. Чутко улавливая атмосферу своей эпохи, писатель создаёт целую галерею образов героев, которых критика позднее назовет «чеховскими интеллигентами». В действительности суть этого типа сложнее его хрестоматийной характеристики. Более того, тип этот предполагает возможность внутренней классификации. «Чеховский интеллигент» – это прежде всего «средний человек», который сам подчас оказывается рабом мещанского быта. Чехов, сосредотачивая своё внимание на психологии «среднего человека», изображает сложный комплекс человеческих переживаний, различные пути духовных поисков. То же характерно и для Нагибина, в его прозе героями нередко выступают самые обычные люди из среды интеллигенции, чью внутреннюю сущность писатель стремится раскрыть.

В ряде своих произведений 1960-80-х годов Нагибин осмысляет современную ему эпоху. В его рассказах и повестях, как и у Чехова, появляются образы интеллигентов, которым свойственны нравственные метания, сомнения, внутренние поиски. И при этом его интеллигенты отразили атмосферу конкретной эпохи: «В 1970-е годы советское и особенно русское население переживает глубочайшие трансформации, одной из которых как раз и становится замыкание в частной жизни, о котором люди мечтали уже давно и на которое наконец получили молчаливое дозволение от властей» [4, с.64]. Нагибин рисует частную жизнь интеллигентов, сосредоточенных на быте, но в какой-то момент начинающих за бытом смутно ощущать просветы бытия. Он, как и Чехов, исследует ситуацию нравственного пробуждения, открывающего в героях новые черты.

Как и у Чехова, интеллигенты у Нагибина – это представители многих сфер общественной жизни: инженеры, режиссеры, ученые, писатели. У каждого из них в тот или иной момент возникает потребность изменить свою жизнь, как правило, ради любви. Однако не каждому хватает решимости, смелости, душевных сил, не каждый способен прорваться сквозь преграды привычек и быта.

Наиболее яркие образы интеллигентов созданы Нагибиным в таких рассказах и повестях, как «Перекур», «Срочно требуются седые человеческие волосы», «Машинистка живёт на шестом этаже».

«Интеллигентов» Чехова и Нагибина можно условно разделить на две группы: на тех, кто так и не решается изменить свою жизнь и продолжает вести обывательский образ жизни (герои-«обыватели»), и тех, кто преодолевает притяжение быта, коренным образом меняя свою жизнь (герои-«бунтари»).

Так, в нагибинской повести «Перекур» в центре повествования оказывается герой, который спустя двадцать лет после войны ощутил потребность найти девушку, которую любил когда-то. Герой Нагибина – Климов – пережил войну, работал в Германии, затем построил карьеру режиссера, наконец-то добился успеха и приглашения работать «на крупнейшей столичной киностудии» [5, т. 3, с. 296]. Однако именно на пике внешнего успеха герой испытывает внутреннюю опустошенность. Подавшись внезапному желанию найти свою любовь военных лет, Климов решается на путешествие, которое сам расценивает как «бредовую и ненужную» [5, т. 3,

с. 289] затею. Сама поездка, встреча с Марусей и её мужем, нахлынувшие воспоминания – всё это раскрывает личность Климова, его внутреннюю драму.

Образ Климова соотносится с образом Гурова из рассказа Чехова «Дама с собачкой». И в чеховском рассказе, и в повести Нагибина жанрообразующим становится сюжетный момент судьбоносного выбора, требующего отказа от привычной логики жизни. У обоих героев был короткий роман, после которого последовало вынужденное расставание с возлюбленной. Несмотря на своё намерение жениться на Марусе, Климов не вернулся к ней сразу после войны, образ возлюбленной на долгое время померк в его памяти. Гуров тоже сначала не придавал особого значения знакомству и связи с Анной Сергеевной. Лишь через некоторое время оба героя начинают осознавать, что пережитое ими чувство – чувство настоящей любви – было исключительным. Когда герои это осознают, в них рождается сложный комплекс чувств. Они начинают очень остро ощущать привкус пошлости окружающей жизни: как Гуров отреагировал на фразу «Осетрина-то с душком» («Эти слова, такие обычные, почему-то вдруг возмутили Гурова, показались ему унижительными, нечистыми» [6, т. 10, с. 137]), так и Климов внезапно почувствовал пустоту разговора со случайной попутчицей о зарплате. Жизнь вдруг начинает казаться Гурову и Климову невероятно скучной, тоскливой. Всё, что прежде составляло привычный быт Гурова, начинает его тяготить: «...ненужные дела и разговоры всё об одном отхватывают на свою долю лучшую часть времени, лучшие силы, и в конце концов остаётся какая-то куцая, бескрылая жизнь» [6, т. 10, с. 137]. Схожие переживания рождаются и в душе Климова: «Неужели он швырнул кошке под хвост треть своей жизни?» [5, т.3, с.290]. Обоим героям начинает казаться, что они погружаются в состояние, именуемое «старость», которое проявляется именно внешне (Гуров: «ему казалось странным, что он так постарел за последние годы, так подурнел» [6, т. 10, с. 142]; Климов: «...до чего же старым и поношенным казалось Климову собственное лицо!» [5, т. 3, с. 298]). В момент встречи с возлюбленными после разлуки Гуров и Климов переживают прилив любви, при том что Чехов и Нагибин подчёркивают несовершенство каждой героини. Для Гурова «эта маленькая женщина, ничем не замечательная, с вульгарно лорнеткой в руках, наполняла теперь всю его жизнь, была его горем, радостью, единственным счастьем» [6, т. 10, с. 139], и Климов «вдруг с удивлением ощутил, что любит не ту далёкую девушку Марусю, а эту жарколицую <...> немолодую женщину» [5, т. 3, с. 336].

Климов, как и Гуров, отправляется на поиски возлюбленной, руководствуясь безотчетной жадной встречи, желанием заполнить пустоту жизни. Однако в момент финального объяснения герой Нагибина проявляет внутреннюю слабость: «Она живёт по каким-то другим законам, чем он. Ей кажется, что она поступает сейчас справедливо; может, она и права, но у него нет сил следовать за ней...» [5, т. 3, с. 346]. Это «нет сил» – основная черта нагибинского героя и объяснение того, почему вся его жизнь сложилась неудачно: «...ничего не было, какая-то не своя, случайная жизнь» [5, т. 3, с. 331]. Нагибинский Климов в данном случае оказывается внутренне слабее и даже малодушнее чеховского Гурова, который вступает на путь изменения жизни, внутренний бунт героя выводит его за пределы бытовой определённости, тогда как Климов останавливается на пороге новой жизни и поворачивается назад.

Неспособность решиться на бунт отличает Климова от Гурова, но в то же время роднит с героем рассказа Чехова «Верочка». Бессилие, безволие, робость, нерешительность – качества, свойственные и нагибинскому Климову, и чеховскому Огневу. Определение Нагибина, данное Климову, – «душевный погорелец» – подходит и Огневу. Оба героя проявляют внутреннюю слабость в тот момент, когда счастье само просится к ним в руки.

С героями рассказов Чехова «Дама с собачкой» и «Верочка» имеет немало общего и героиня рассказа Нагибина «Срочно требуются седые человеческие волосы». Нагибинский Гуцин, подобно чеховскому Гурову, человек средних лет, имеющий жену, дочь, но при этом не знающий подлинного счастья. Как и Гуров, изначально не ожидающий от знакомства с Анной Сергеевной перемен в своей жизни, Гуцин далеко не сразу понимает, что знакомство с Наташей пробудит в нём способность любить и потребность в этом чувстве. Гуцин, подобно Гурову, находит радость в прогулках с Наташей, в простых разговорах с ней, но его, как и Гурова, томит осознание большой разницы в возрасте и наличии седины в волосах, как косвенного признака старости. Героев сближает и стремление изменить свою жизнь, и решимость, с которой они идут навстречу своему счастью: Гуров неожиданно для самого себя отправляется в город С. к Анне Сергеевне, а Гуцин собирается переехать из Москвы в Санкт-Петербург к Наташе.

Гуцин, подобно Огневу, прячется за ощущением собственной серости, тем не менее оба героя не лишены возвышенных чувств и потребности в человеческом тепле и внимании. Так, Огнев в разговоре с Верой предстаёт, казалось бы, как зауряднейшая личность («Всю зиму проработаю, а весной опять куда-нибудь в уезд материалы собирать» [6, т. 6, с. 72]), однако вслед за этим в нём проявляется способность чутко воспринимать окружающий его мир: «Господи, — удивлялся тогда Огнев, — неужели тут всегда дышат таким воздухом, или это так пахнет только сегодня, ради моего приезда?» [6, т. 6, с. 74]. Таков и Гуцин, принимающий свою серость как должное («Проще было жить с осознанием, что он никому даже мимоходом не интересен, не привлекателен, — наибездарнейший тусляк, вполне заслуживающий судьбу домашнего отщепенца» [5, т. 5, с. 92]), но при этом внутренне стремящийся к большей полноте жизни, к тому, чтобы находиться рядом с дорогим ему существом («И сколько бы ещё ни прожил Гуцин, он никогда больше не увидит её больших, доверчивых и весёлых глаз, <...> не услышит короткого смешка и нежного голоса. В ужасе перед ожидающим его одиночеством Гуцин, тюфяк, размазня, подкаблучник, вдруг ринулся напролом» [5, т. 5, с. 93]).

Гуцин, подобно чеховскому Огневу, ведёт себя нерешительно в отношении с женщиной. Осознание истинных желаний не открывает героям дорогу к счастью: как Огнев в момент признания Веры замыкается в себе и не раскрывает подлинных чувств, страшась нарушить привычный ход жизни, так и Гуцин в финале рассказа оказывается не в силах проститься со своей женой, которую давно разлюбил, и со всем привычным окружением: «Он хотел махнуть ей прощально рукой, но вдруг издал горлом какой-то странный глотательный звук и повернул назад» [5, т. 5, с. 115].

Герои-интеллигенты Нагибина дорожат своим одиночеством и культивируют его, оправдывая им свое бездействие. Этот тип одиночества очень точно охарактеризован Чеховым в рассказе «Человек в футляре»: «Людей, одиноких по натуре, которые,

как рак-отшельник или улитка, стараются уйти в свою скорлупу, на этом свете немало» [6, т. 10, с. 42]. Во внешнем облике героя рассказа Нагибина «Срочно требуются седые человеческие волосы» – Гуцина, как и в портрете чеховского Беликова, проступают черты «футлярности»: «тяжёлый, тёмный не по сезону мосторговский костюм, слишком тугой и округлый — «пасторский» — воротничок...» [5, т. 5, с. 93]. Но не только портретная характеристика выдает в герое «человека в футляре». Его «футлярность» гораздо глубже, в чём он сам признаётся: «Порой человеку нужно убежище, где бы его оставили в покое. Люди даже придумали препаратное слово для обозначения этого спасительного бегства души: хобби» [5, т. 5, с. 98]. И если чеховский Беликов прятался от пугающей его действительности за древними языками, «циркулярами и газетными статьями, в которых запрещалось что-нибудь» [6, т. 10, с. 43], то герой Нагибина — за старым Санкт-Петербургом, он был страстно увлечен историей архитектуры северной столицы: «И впрямь, какое это счастье — открыть маленький, в красном сафьяновом переплёте томик и рассматривать чёткие и строгие фотографии <...> Переставешь замечать, что ты опять один в квартире, и уже не помнишь, почему ты один, на душе задумчиво и светло — камень старинных зданий куда мягче и теплее камня ожесточившихся в эгоизме человеческих сердец» [5, т. 5, с. 99]. Одиночество героев Чехова и Нагибина — это своего рода бегство от реальной жизни, следствие страха перед ней.

Ещё одна черта, свойственная типу «интеллигента-обывателя» Чехова и Нагибина — это особое отношение к прошлому и будущему. Так, например, нагибинский Климов живёт с ощущением загубленной молодости и при этом мечтает о наполненной жизни и любви («стонал от жгучей памяти о том сильно, самозабвенно переживании. Многие было в жизни, а такого уже не было...» [5, т. 3, с. 315], «А вдруг жизнь решила сделать ему неожиданный подарок и вместо безнадежно потерянной Маруси прислала ему эту прекрасную женщину?» [5, т. 3, с. 335]). Схожий комплекс ощущений рождается и в душе чеховского Огнева: «Когда же я полюблю не насильно? Ведь мне уже под 30! Лучше Веры я никогда не встречал женщин и никогда не встречу... О, собачья старость! Старость в 30 лет!» [6, т. 6, с. 79].

И Огнев, и Гуцин переживают момент экзистенциального фиаско, являющегося одним из сюжетных завершений траектории жизни «чеховского интеллигента», с которой экспериментирует и Нагибин. Неслучайно и у него, и у Чехова ситуация пробуждения человека, внутреннего озарения и внешней готовности к переменам становится жанрообразующей, формирующей в зависимости от концентрированности и напряженности переживания жанровую модель произведения (повесть / рассказ). Момент духовного прозрения рождает потребность в самопознании и самооценке. Описывая это состояние героев произведений «Перекур» и «Срочно требуются седые человеческие волосы», Нагибин апеллирует к чеховской «Скучной историй». Несмотря на активную работу мысли, на пробуждение сознания, главные герои — чеховский Николай Степанович, нагибинские Климов и Гуцин — проявляют нерешительность, слабохарактерность. За привычным течением жизни каждый из героев прозревает бытие. И это прозрение требует от них активного участия, борьбы, к которой они оказываются неготовыми. Нагибин, подобно Чехову, изо-

браждает драму людей глубоких, чутких, но совершенно не способных на решительные действия.

Герои-интеллигенты Чехова и Нагибина стремятся постичь суть своей природы. Герою «Верочки» Огневу «хотелось найти причину своей странной холодности. Что она лежала не вне, а в нем самом, для него было ясно. Искренно сознался он перед собой, что это не рассудочная холодность, которую так часто хвастают умные люди, не холодность себялюбивого глупца, а просто бессилие души» [6, т. 6, с. 80]. Так и герой «Перекура» Климов рассуждает про себя: «Живёшь с самим собой, как с таинственным соседом, которого и в глаза никогда не видел, хотя всё время чувствуешь, что он здесь, рядом, шебуршит за стеной...» [5, т. 3, с. 333]. «Интеллигенты – обыватели» оказываются способны приблизиться к пониманию себя, осознать, в чём заключается их душевный изъян, однако побороть свою слабость не могут.

Иной тип героев рисует Нагибин в произведениях «Машинистка живёт на шестом этаже». В этих рассказах изображаются ситуации, в которых герои радикальным образом меняют свою жизнь, вырываются из «мертвящего покоя обывательщины».

В рассказе «Машинистка живёт на шестом этаже» Нагибин рисует двух героев, каждый из которых по-своему преодолевает притяжение быта. Так, Лунин – инвалид, потерявший ногу и выбравший неожиданную для мужчины профессию машинистки, в произведении изображается человеком с уже сложившимися взглядами. Но раскрывается он через призму восприятия молодого студента Савина. Оказывается, что все трудности жизни Лунина не сделали его чётрым и бездушным. Одиноким инвалид со скромной работой живёт более полной внутренней жизнью, чем молодой студент: «Вам, наверное, странно, что своё убогое существование я считаю жизнью, да ещё какой! Прежде я знал, что такое внешняя жизнь, потратил на неё многие годы и, если б не потерял ноги, наверное, продолжал бы свою мельтешню. Болезнь возвратила меня к самому себе. Я очень много читаю, да, да, одно и то же, — сказал он улыбаясь, — и думаю» [5, т. 5, с. 198]. Лунин самокритичен: «Всё-таки мы все слишком светливо живём, даже я, почти не выходящий из дому. Светливо в себе самих. Нам всё время хочется того, чего у нас нет. Отсюда вечный внутренний зуд, много лишних мучениц, ненужных поступков, отсюда во всех нас столько мелкого и неценного» [5, т. 5, с. 198]. Активная работа мысли, сосредоточенность на внутренней жизни, самокритичность – эти качества Лунина роднят его с героем рассказа Чехова «Учитель словесности». Никитин в финале произведения также начинает активно размышлять о том, чем наполнена его жизнь, о себе и своём окружении: «Где я, боже мой?! Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!» [6, т. 8, с. 332]. Как Никитин, так и Лунин переживают внутренний бунт, в результате которого меняются мировоззренческие основы героев. Но если бунт Никитина является сюжетной развязкой произведения Чехова, а дальнейшая судьба героя остаётся за рамками повествования, то у Нагибина изображается герой, уже преодолевший притяжение быта и живущий по новым принципам.

Другой центральный герой рассказа Нагибина «Машинистка живёт на шестом этаже» — Савин, студент литературного института. В ходе общения с

Луниным герой преображается: из человека, запустевшего в жизни, страшящегося «тусклого внешнего существования» [5, т. 5, с. 205], он превращается в личность глубокую, творческую, имеющую прекрасную цель в жизни. В финале произведения Савин признаётся: «Лунин мне открыл, а война подтвердила, что я не художник. Я нашёл своё настоящее дело. Понимаешь, это замечательное занятие – приобщать людей к чтению. <...> И я пишу ту единственную свою книгу, о которой говорил Лунин, но пока даже не на бумаге» [5, т. 5, с. 210]. Подобное нравственное пробуждение роднит Савина с некоторыми чеховскими героями (например, с инженером Ананьевым из повести «Огни» или с Мисаилом Полозовым из повести «Моя жизнь»). Так, Ананьеву и Савину изначально кажется, что они умны, хорошо разбираются в жизни, однако случай (у Ананьева встреча с Кисочкой, у Савина – с Луниным) коренным образом меняет их мировоззрение. Как Ананьев, так и Савин внутренне меняются; герои оказываются способны не только жить своими личными интересами, но и сочувствовать, сопереживать, совершать поступки во благо других людей.

Но сопоставление этих героев позволяет увидеть не только сходство в подходах к формированию жанрового содержания произведений, к созданию образов героев из среды интеллигенции, но и принципиальные различия. Даже попытки заниматься конкретным делом, приносить практическую пользу не освобождают чеховских персонажей от ощущения несовершенства не только своей жизни, но и общего существования в целом. Их не покидает тревога от осознания собственной экзистенциальной недоволенности. А те, кто способен абстрагироваться от подобных мыслей и чувств, предстают как мечтатели – идеалисты (как Саша из рассказа «Невеста»).

Литературные потомки чеховских героев, которые живут на страницах нагибинских произведений, даже коснувшись тайн мироздания, предпочитают вернуться в прежний мир, как бы он их ни тяготил. Те же из них, кто способен вырваться из тенет быта, стараются избавиться от чувства «вселенской» тоски, сосредоточившись на чем-то нужном и полезном другим людям. Это обусловлено иной социокультурной ситуацией, рождавшей таких героев. Их юные годы пришлось на военное время. Война не помешала их дальнейшему профессиональному развитию, но оставила свой след в жизни внутренней: недолюбив в молодости, пройдя через жернова войны, они лишь спустя десятилетия начинают ощущать внутреннюю пустоту, сомневаться в осмысленности прожитой жизни. Так, Нагибин пытается найти своё объяснение причинам возникновения духовного тупика, из которого одни герои находят выход, а другие – нет. Но те, кто вырвался из плена разочарования и сомнений, именно в силу полученного опыта и выпавших на их долю испытаний оказываются способны, пройдя через испытание пустотой повседневного быта, найти цель и смысл бытия.

Духовный код, зашифрованный в чеховских произведениях, находит отражение в творчестве Нагибина. И хотя специфика конкретно-исторической основы рассказов и повестей Чехова и Нагибина подчас осложняет процесс сопоставления, но нравственно-философские проблемы, с которыми сталкиваются их герои, во многом схожи, что порождает множественные переключки на уровне жанрового содержания произведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Нагибин, Ю.М. Наш современник – Чехов [Текст] / Ю.М. Нагибин // Время жить: сб. – М.: Современник, 1987. – С. 308-314.
2. Бушканец, Л.Е. Чехов – писатель русского апокалипсиса? [Текст] / Л.Е. Бушканец // Общественные науки и современность. – 2010. – №4. – С. 162-172.
3. Катаев, В.Б. Сложность простоты. Рассказы и пьесы Чехова (В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам) [Текст] / В.Б. Катаев – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 112 с.
4. Берелович, А. Семидесятые годы XX века: реплика в дискуссии [Текст] / А. Берелович // Мониторинг общественного мнения. – 2003. – №4 (66). – С. 59-65.
5. Нагибин, Ю. Собрание сочинений в 11-ти томах [Текст] / Ю. Нагибин. – М., 1989.
6. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах [Текст] / А.П. Чехов. – М.: Наука, 1986.